

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Амсдин А. Следующий гигант Азии: Южная Корея и поздняя индустриализация. Нью-Йорк; Оксфорд, 1989. 379 с.

Amsden A. H. Asia's Next Giant. South Korea and Late Industrialisation New York; Oxford, 1989. 379 p.

Преобладающей точкой зрения исследователей на экономическое развитие как на Западе, так и в Восточной Европе при нынешней благоприятной хозяйственной конъюнктуре в большинстве развитых стран является акцентирование зависимости высоких темпов роста от степени использования преимуществ свободного рынка. Не отрицая объективного характера этой зависимости, следует вспомнить, однако, что к рыночному типу можно в той или иной степени отнести широкий спектр систем, начиная с США, Канады, стран Западной Европы, Японии и кончая государствами Азии, Латинской Америки, Тихоокеанского региона, отнюдь не все из которых добились равнозначных экономических успехов.

Поэтому особую актуальность в наши дни приобретают сравнительные исследования специфики хозяйственного механизма и факторов, способствующих прогрессу той или иной страны, особенно если она демонстрирует выдающиеся экономические достижения. Таким исследованием, в частности, является недавно опубликованная в США монография профессора Массачусетского Технологического института Алиса Амсдин «Следующий гигант Азии. Южная Корея и поздняя индустриализация» — первая в мировой экономической литературе работа, посвященная систематическому изучению южнокорейского феномена.

В то время как общее внимание было направлено на успехи и международную экспансию японской экономики, Южная Корея выросла в сильного конкурента японских и американских фирм, от автомобильной до электронной промышленности. В книге А. Амсдин это явление, имеющее место также на Тайване, в Индии, Бразилии, Мексике, Турции и ряде других стран, называется «поздней индустриализацией» («late industrialisation»).

Если первая промышленная революция конца XVIII в. в Англии и вторая через 100 лет в США и Германии характеризовались разработкой принципиально новых видов продукции и технологий, то в странах, которые становились на путь индустриализации в XX в., экономический уровень был поднят прежде всего путем заимствования технологий. Данный процесс породил здесь адекватные ему общие элементы хозяйственного механизма (часто называемого тихоокеанской моделью), ориентированные не на изобретения и инновации, а на обучение.

Эти элементы, как общие для всех стран поздней индустриализации, так и специфические для Южной Кореи, выведшие ее в положение «агрессивного» конкурента и ставшие примером не только для развивающихся, но и стремящихся к структурной перестройке развитых стран, являются предметом исследования А. Амсдин. Сравнительная роль в тихоокеанской модели государств крупного предпринимательства, мелкого бизнеса, автор объясняет, почему именно Южная Корея быстро прогрессирует.

А. Амсдин показывает, что правительства всех государств поздней индустриализации с целью ускорения экономического роста вынуждены стимулировать повышение деловой активности своих предпринимателей, поскольку их оружием в конкурентной борьбе — сравнительно низкой заработной плате — противостоят более высокая производительность труда в развитых странах. При этом Южную Корею отличают особые формы и методы использования субсидий для государственного регулирования экономики.

Как в Японии и на Тайване, в Южной Корее за безвозмездно предоставляемые субсидии государство требует обязательного соблюдения определенных стандартов от всех частных фирм, в том числе и политических сторонников. Стандарты устанавливаются на таком высоком уровне, что при характерной для названных стран дисциплине их выполнения обеспечивается конкурентоспособность продукции на мировом рынке.

Объектом внимания государства и получателями субсидий являются прежде всего крупные современные промышленные компании, как правило, состоящие из большого числа отделений, управляемых иерархией оплачиваемых менеджеров. Такие предприятия типичны для всех стран поздней индустриализации, но в Корее они особенно велики и принимают форму диверсифицированных групп — «чаебол», масштабы деятельности и степень диверсификации которых напоминают группы «зайбатеу» в предвоенной Японии. В значительной степени именно размеры этих компаний позволили им справиться с трудностями новой индустриализации, проникнуть на многие рынки, вытеснив многонациональные корпорации, и освоить большую часть инвестиций в ключевые отрасли.

Главным героем индустриализации конца XVIII в. был предприниматель, на исходе XIX в. эта роль передалась менеджеру. Ключевой фигурой поздней индустриализации стали высокооплачиваемые инженеры, «открывающие двери страны для приема зарубежной технологии». Это особенно хорошо видно в Корее. Во-первых, начиная с 60-х годов, в частном бизнесе численность инженеров растет более высокими темпами, чем управленческого персонала. Во-вторых, основной рост числа менеджеров приходится на мелкие промышленные и торговые предприятия, где прежде всего используются преимущества конкуренции. В-третьих, на корейских предприятиях сравнительно невелико количество уровней управления, и инженеры работают в тесном контакте с рабочими.

Страны новой индустриализации располагают в достаточном количестве высокообразованной рабочей силой. В то же время внеэкономическими факторами, такими, как политические репрессии, небольшое влияние профсоюзов, отсутствие возможностей для миграции работников за границу, сдерживается рост заработной платы.

Корее принадлежат рекорды эффективности использования рабочей силы даже среди стран новой индустриализации. С одной стороны, это — самая длинная в мире рабочая неделя, с другой — самый высокий темп роста реальных доходов по сравнению с прошлыми промышленными революциями и современным состоянием любой другой страны (даже Японии, занимающей второе место). Такое увеличение доходов вместе с резкой межотраслевой дифференциацией заработной платы оказывает стимулирующее воздействие на труд в отраслях передовой технологии.

Характерной чертой финансовой политики некоторых стран поздней индустриализации является низкий уровень расходов на социальные нужды. И здесь Южной Корее до последнего времени принадлежал приоритет. Средние классы несли весьма нелегкое бремя налогов, а беднейшие слои, которые не в состоянии их платить, практически не получали от правительства никакой социальной помощи. Это — один из факторов, позволивший в течение многих лет избегать дефицита государственного бюджета.

Методологический принцип проведенного А. Амсиндана анализа регулирующей роли государства — разделение понятий рынка и рыночного механизма: если первое — это естественный способ формирования равновесия между спросом и предложением, то второе — базирующиеся на рыночных отношениях, установленные государством правила распределения ресурсов. Все предшествующие индустриализации основывались на рынке. Но только различия в механизмах могут объяснить успехи экономического роста той или иной страны.

Выше назван наиболее характерный для стран поздней индустриализации элемент рыночного механизма — государственные субсидии. Другой способ воздействия — регулирование цен, ставок процента и валютных курсов. В этом случае государство берет на себя функции посредника между субъектами экономических отношений, осуществляющими сбережения и инвести-

ции, экспортерами и импортерами. Одно из направлений его деятельности — установление различных цен на один и тот же ресурс или продукт. Например, экспорт стимулируется более высоким курсом обмена иностранной валюты, чем импорт; приоритетные, работающие на экспорт отрасли выплачивают более низкий процент за кредит, на их продукцию на внутреннем рынке в ряде случаев назначается цена, отличная от равновесной. Чтобы конкурировать с развитыми государствами на внутреннем рынке, страны поздней индустриализации широко используют и такие испытанные приемы, как квоты, лицензии, высокие таможенные тарифы.

Принципиальной особенностью Южной Кореи является большая взаимная ответственность фирм и государства. Крупный бизнес консолидируется в ответ на экономические инициативы правительства. В свою очередь, в порядке компенсации за участие в наиболее рискованном предпринимательстве, оно выполняет обязательства по выдаче дополнительных лицензий на производство в более прибыльных секторах, тем самым, между прочим, способствуя углублению диверсификации.

У Южной Кореи есть специфические методы обеспечения дисциплины экономических отношений через наказание плохих исполнителей и вознаграждение хороших. Если какая-либо отрасль ослабляется в результате внешней экспансии (как это было в разное время в тяжелой промышленности, строительстве, торговом флоте), то ее предприятиям оказывается помощь с целью модернизации для поддержания конкурентоспособности. Однако не получают поддержки предприятия, эффективность которых падает вследствие неоправданно возросшего масштаба производства и плохого управления, если они принадлежат к благополучным отраслям.

Регулируемый государством процесс реализации обанкротившихся предприятий не обходится без политизации и коррупции. Их имущество, как правило, попадает в руки компаний, близких к правительственным кругам, но только пока эти компании сохраняют конкурентоспособность. Если обнаруживаются признаки неэффективного управления, правительство «отворачивается» от подобных «друзей». Это привело к постепенному сокращению числа фирм — «друзей» при их укрупнении. В настоящее время «друзьями» являются около 35 крупных диверсифицированных групп, практически полностью контролирующих машиностроение (в том числе автомобиль- и судостроение), текстильную промышленность, строительство и промышленность строительных материалов.

Для того чтобы осуществлять такую избирательную политику, государство должно иметь набор рычагов экономического контроля, которые и определяют особенности той или иной конкретной модели рыночного механизма. Есть своя специфика и у южнокорейской модели.

В 60-е годы, когда складывалась нынешняя мощная экономика, государство стало собственником всех коммерческих банков (хотя такая система образовалась не сразу, пройдя через волны денациона-

лизации и национализации). Политическая либерализация 80-х годов заставила правительство начать процесс приватизации. Однако сопутствующие ему концентрация капитала и рост неравенства доходов привели к необходимости сохранения государственного контроля над коммерческой банковской деятельностью. В его задачу входило стимулирование накопления компаниями физического объема капитала (а не получения дохода от коммерческого кредитования сторонних предприятий).

С целью рационализации отраслевой структуры экономики государство осуществляет прямое лицензирование открытия новых предприятий и вступления существующих компаний в другие сферы приложения. Подобная политика, вместе с внешнеторговым протекционизмом и механизмом субсидий, позволяет в условиях рынка сформировать каждую ключевую отрасль народного хозяйства так, чтобы количество ее предприятий не допускало монополизации (как правило, не менее трех лицензий на каждый вид производства) и не приводило к чрезмерному дроблению отрасли, т. е. обеспечивался оптимальный масштаб производства.

Влияние доминирующих на рынке предприятий редуцируется также с помощью государственного регулирования цен, политика которых ежегодно пересматривается. На конец 1986 г. под контролем находились цены 110 видов товаров, например таких, как мука, сахар, кофе, красный перец, электроэнергия, газ, сталь, продукция химической промышленности, бумага, лекарства, нейлоновые носки, автомобили, телевизоры и т. д.

Государство жестко контролирует утечку капитала за границу. В соответствии с законодательством 60-х годов, инвестор, который нелегально вложил за границей более 1 млн. долл., наказывался лишением свободы на срок не менее 10 лет или смертной казнью. В 80-е годы необходимость и адекватность такой меры наказания пересматривается. Однако попытки инвесторов использовать общественные субсидии для построения частного благополучия за рубежом продолжают пресекаться.

В то же время, несмотря на массовый импорт лицензий и технологическую помощь из-за рубежа государственному сектору и частным предприятиям, жесткий контроль государством источников инвестиций, в результате которого предпочтение отдавалось более дорогому по сравнению с зарубежным внутреннему кредиту, позволил избежать экспансии иностранного капитала. Здесь сыграли свою роль формы технологической помощи, которые преимущественно поощрялись южнокорейским правительством: государство и частные компании финансируют обучение большого количества южнокорейских рабочих и специалистов, за рубежом; фирмами приглашаются для консультаций иностранные специалисты. При этом не практикуется более или менее продолжительная работа иностранцев непосредственно на предприятиях.

В монографии анализируются долгосрочные тенденции динамики отраслевой структуры национальной экономики в стра-

нах поздней индустриализации. Основной вывод — это повторение, хотя и с весьма существенными особенностями, того пути, который 100—200 лет назад прошли страны Европы и Северной Америки от преимущественного развития трудоемких отраслей легкой промышленности к инвестированию материало- и наукоемкой тяжелой индустрии.

В условиях Южной Кореи этот объективный исторический процесс привел к постепенному замещению у руля экономики сравнительно малообразованных менеджеров хлопкоперерабатывающей и текстильной промышленности управляющими и инженерами высокой квалификации, работающими в передовых отраслях производства. Этот же процесс породил новую форму конкуренции — олигополию и новые средства: опережающая технология стала более важным фактором успеха, чем дешевая рабочая сила. Он также естественным образом привел от конкуренции с другими развивающимися странами, характеризующимися традиционно низкими уровнями заработной платы, к возможности эффективно соревноваться с развитыми странами Европы и Америки.

В связи с динамикой экономической структуры в работе исследуются место и роль в процессе воспроизводства крупнейших диверсифицированных групп. Автором формулируется, на первый взгляд, неожиданный вывод о том, что несмотря на высокий растущий уровень диверсификации практически ни одной группе, лидировавшей в легкой промышленности в 60—70-е годы, не удалось возглавить бурно развивающиеся отрасли машиностроения и электроники. И наоборот, выпуск чернобелых телевизоров позволил таким гигантам, как Samsung и Lucky-Goldstar, современем перейти при производстве предметов бытовой электроники от сборки к деятельности, дающей возможность получить более высокую в обороте долю добавленной стоимости, а от нее — к производству компьютеров.

Опыт Японии и большинства европейских стран говорит о совместности политической демократии и эффективного государственного регулирования экономики. Последние политические события в Южной Корее, как известно, являются переходными — от военной диктатуры к многопартийному парламентскому строю, и А. Амсдин надеется, что политические реформы в стране только укрепят потенциал государства как гаранта экономического прогресса.

В свете стоящих перед нашей страной проблем советский читатель прочтет монографию А. Амсдин с особым интересом. Тем не менее не стоит впадать в очередную крайность, рекомендуя или, наоборот, не рекомендуя правительству разработку новой программы чрезвычайных мер по немедленной «подгонке» советской экономики под тихоокеанскую модель. Книга заставляет еще раз прийти к в общем-то довольно естественному выводу.

Да, товарно-денежные отношения подчиняются объективным экономическим законам, которые носят всеобщий характер. И хотя рынок — необходимое условие эффективного функционирования любой экономики, он еще не залог успеха. Дру-

гой составляющей успеха является его правовое государственное регулирование. Оно должно опираться на исторические, культурные, национальные традиции и политическое искусство, и здесь трудно преувеличить необходимость изучения опыта, накопленного в разных странах, в том числе в тихоокеанском регионе.

Книга снабжена развернутыми предметным и именным указателями, а также

обширной библиографией, и поэтому может служить путеводителем по той области межстрановых сравнительных экономических исследований, которая до сих пор была относительно слабо развита в нашей стране, но становится особенно актуальной в процессе поиска наиболее результативных направлений экономической реформы.

Казакевич Г. Д.